

EDN: DBCCWI
УДК 316.334.55/.56

“Kalymshchiki”, ‘Budgetary workers’, ‘Businessmen’ and ‘Capitalists’: Strategies of Socio-economic Adaptation of Rural Migrants Living in ‘Nakhalovki’ in Ulan-Ude

Nikolay I. Karbainov*

*Sociological Institute of FCTAS RAS
St. Petersburg, Russian Federation*

Received 22.07.2024, received in revised form 23.07.2024, accepted 17.09.2024

Abstract. The article examines the strategies of socio-economic adaptation of rural migrants living in squatter settlements (“nakhalovki”) in Ulan-Ude. Based on the materials of field research, the article refutes the notions of socio-economic homogeneity and marginalization of the residents of “nakhalovki”. Rural migrants living in these settlements are characterized by a variety of strategies of socio-economic adaptation in urban conditions. The results of the empirical study show that in “nakhalovki”, firstly, not only rural migrants with low incomes, but also those who have a medium and high level of wealth live in “nakhalovki”; secondly, the residents of “nakhalovki” not only work in the informal economy, but are also actively involved in the formal economy of the city. Also, three key economic orientations are characteristic for the residents of squatter settlements in Ulan-Ude: 1) involvement in the urban economy; 2) orientation to the rural economy; 3) mixed or translocal strategy. The choice of one or another strategy of socio-economic adaptation is predetermined by the structure of available capital and its conversion before moving to the city and after migration.

Keywords: socio-economic adaptation, rural migrants, squatter settlements, marginalization, Ulan-Ude.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes.

Citation: Karbainov N. I. “Kalymshchiki”, ‘budgetary workers’, ‘businessmen’ and ‘capitalists’: strategies of socio-economic adaptation of rural migrants living in ‘nakhalovki’ in Ulan-Ude. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2024, 17(10), 1875–1891. EDN: DBCCWI

«Калымщики», «бюджетники», «бизнесмены» и «капиталисты»: стратегии социально-экономической адаптации сельских мигрантов, проживающих в «нахаловках» Улан-Удэ

Н.И. Карбаинов

*Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН
Российская Федерация, Санкт-Петербург*

Аннотация. В статье рассматриваются стратегии социально-экономической адаптации сельских мигрантов, проживающих в сквоттерских поселениях («нахаловках») Улан-Удэ. Опираясь на материалы полевых исследований, в статье опровергаются представления о социально-экономической однородности и маргинальности жителей «нахаловок». Для сельских мигрантов, проживающих в этих поселениях, характерно многообразие стратегий социально-экономической адаптации в городских условиях. Результаты эмпирического исследования показывают, что в «нахаловках», во-первых, проживают не только сельские мигранты с низкими доходами, но и те, кто имеют средний и высокий уровень достатка; во-вторых, жители «нахаловок» не только работают в сфере неформальной экономики, но и активно вовлечены в формальную экономику города. Также для жителей сквоттерских поселений Улан-Удэ характерны три ключевые экономические ориентации: 1) вовлеченность в городскую экономику; 2) ориентация на сельскую экономику; 3) смешанная или транслокальная стратегии. Выбор той или иной стратегии социально-экономической адаптации предопределяется структурой имеющихся капиталов и их конвертации до переезда в город и после миграции.

Ключевые слова: социально-экономическая адаптация, сельские мигранты, сквоттерские поселения, маргинальность, Улан-Удэ.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки).

Цитирование: Карбаинов Н.И. «Калымщики», «бюджетники», «бизнесмены» и «капиталисты»: стратегии социально-экономической адаптации сельских мигрантов, проживающих в «нахаловках» Улан-Удэ. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2024, 17(10), 1875–1891. EDN: DBCCWI

Введение

Проблема адаптации и интеграции мигрантов является одной из ключевых тем в исследованиях миграции. Одним из важных факторов адаптации наряду с другими факторами выступает характер расселения мигрантов, которые могут проживать дисперсно или селиться компактно, создавая мигрантские районы. В ряде городов мира мигрантскими районами, большинство жителей которых составляют сельские мигранты, в некоторых случаях становятся сквоттерские

(неформальные) поселения (Karbainov, 2018). Данные поселения широко распространены в городах развивающихся стран, а также в постсоциалистических странах, в том числе в государствах бывшего СССР (Tsenkova et al. 2009; Yessenova 2010; Karbainov, 2018; Isabaeva 2020). В постсоветском пространстве сквоттерские поселения известны под такими названиями, как «нахаловки», «самоволки», «самострой», «новостройки» или «нахалстрой». Одним из наиболее изученных примеров сквоттерских поселений в россий-

ских городах являются «нахаловки» Улан-Удэ (Karbainov, 2007; Alekseeva, 2010; Breslavskij, 2014; Karbainov, Galindabaeva, 2023).

В Улан-Удэ для некоторых горожан социальное пространство города маркируется в сельско-городских категориях (Karbainov, 2004; Shmyt, 2013; Galindabaeva, 2017). В частности, для «городских» (коренных горожан) ярким символом вторжения «сельских чужаков» («головаров») в пространство Улан-Удэ являются «нахаловки», в которых компактно проживают сельские мигранты. Подобная точка зрения также воспроизводится как в материалах региональных СМИ, так и в научных публикациях, в которых данный процесс интерпретируется как рурализация города, создающая угрозу разрушения городской культуры (Batomunkuev, 2005; Manzanova, 2007). «Нахаловки» Улан-Удэ описываются как места проживания бедняков и маргиналов (Amogolonova, Baldaeva, 2003; Manzanova, 2007). По мнению ряда авторов, жители «нахаловок» вынуждены работать в сфере неформальной (или даже нелегальной) экономики, как правило, выполняя низкооплачиваемую работу, связанную с неквалифицированным или низкоквалифицированным физическим трудом (Manzanova, 2007; Sodnompilova, 2009). Важно отметить, что авторы этих научных публикаций, за исключением М. М. Содномпиловой, не проводили полевых исследований непосредственно в самих «нахаловках», а скорее воспроизвели представления горожан о жителях «нахаловок», т.е., их выводы больше являются гипотезами, которые необходимо проверить в ходе эмпирического исследования.

В наших полевых исследованиях мы как раз попытались проверить, насколько представления горожан о социально-экономической маргинальности и однородности населения «нахаловок» Улан-Удэ соответствуют действительности. Адаптация мигрантов – это многогранный процесс, который происходит в различных полях: социально-экономическом, социокультурном, политико-правовом и т.д. В этой статье мы рассмотрим только одно

из измерений – социально-экономическую адаптацию сельских мигрантов¹.

Таким образом, исходя из постановки проблемы, цель статьи – рассмотреть, опираясь на результаты полевых исследований, стратегии социально-экономической адаптации сельских мигрантов, проживающих в «нахаловках» Улан-Удэ.

В первом разделе статьи мы рассмотрим теоретико-методологические основания и эмпирическую базу нашего исследования. Во втором разделе мы опишем историю формирования сквоттерских поселений («нахаловок») в Улан-Удэ. В третьем разделе мы проанализируем стратегии социально-экономической адаптации сельских мигрантов, проживающих в «нахаловках» Улан-Удэ.

Теоретическая модель, методология и эмпирическая база исследования

Какие стратегии используют мигранты для социально-экономической адаптации в принимающих обществах? Каким стратегиям социально-экономической адаптации следуют сельские мигранты, проживающие в сквоттерских поселениях? Можно выделить четыре теоретических направления, сторонники которых дают разные ответы на эти вопросы: 1) парадигма ассимиляции; 2) теории маргинализации; 3) концепции сепарации; 4) теории многовариантной адаптации.

Ключевым аргументом классических теорий ассимиляции является идея о том, что адаптация мигрантов представляет собой односторонний процесс как в социокультурном, так и в социально-экономическом измерениях (Thomas, Znaniecki, 1920; Park, Burgess, 1969; Gordon, 1964). Так, например, процесс ассимиляции был рассмотрен представителями Чикагской школы на примере феномена сукцессии в городском пространстве. Прибывая в американские города, мигранты предпочитали селиться компактно, образуя этнические анклавов в так называ-

¹ Стратегии социокультурной адаптации сельских мигрантов, проживающих в «нахаловках» Улан-Удэ мы рассмотрели в другой нашей публикации (Karbainov, Galindabaeva, 2023).

емых транзитных зонах с самым дешевым жильем недалеко от центральной части города. Со временем, с ростом экономического благосостояния представители определенного этнического сообщества перемещались в более благополучные городские районы, а на их место приходила другая группа мигрантов, образуя также этнический анклав (Park, Burgess, 1969). Жилищная (пространственная) мобильность в этом случае выступала как форма восходящей социальной мобильности, и в конечном итоге она должна была привести к растворению мигрантской группы в доминирующем ядре принимающего общества (Massey, 1985). Теории ассимиляции также были популярны среди исследователей адаптации сельских мигрантов в городах Азии, Африки и Латинской Америки. Так, например, в рамках «модели Тодаро» неформальный сектор рассматривался как школа городских навыков для сельских мигрантов, осваивающих профессии, которые можно применить в дальнейшем в формальном секторе экономики (Todaro, 1969). Сквоттерские поселения, в рамках парадигмы ассимиляции, рассматривались как «транзитные зоны», проживая в которых сельские мигранты должны со временем превратиться в горожан, в том числе и в социально-экономическом измерении (Costello, 1987).

Оптимистический сценарий, который прописали сторонники теорий ассимиляции, не всегда подтверждался в реальности. Поэтому в 1950–1960-е гг. большую популярность среди исследователей, изучавших адаптацию сельских мигрантов в городах «третьего мира», приобрели теории маргинализации (Lloyd, 1979). Опираясь на эти концепции, исследователи пришли к выводу, что сельско-городская миграция в городах Латинской Америки ведёт к имущественной депривации и психологической фрустрации, личностной и социальной дезорганизации, политической радикализации и деструктивному поведению мигрантов (Cornelius, 1977: 214). Сквоттерские поселения рассматривались через призму этих концепций как пространства «отсталости», «культуры бедности» и маргиналь-

ности (Lloyd, 1979). С точки зрения сторонников теорий маргинализации, жители этих поселений не приносят пользы для национальных экономик из-за высокого уровня безработицы, и их труд лучше использовать в сельском хозяйстве (Mangin, 1967: 66). Также исходя из идей этих концепций жители сквоттерских поселений экономически маргинальны, так как не могут участвовать эффективно в формальном секторе экономики, так как основная сфера применения их труда – это неформальная экономика (Demirtaş, 2009: 83). Интересно отметить, что образы жителей сквоттерских поселений как маргиналов в теориях маргинализации совпадали с образами, создаваемыми коренными горожанами (в первую очередь представителями высших классов и политической элиты). Так, например, о сквоттерских поселениях говорили как об «опухоли на теле города», «гноящейся ране» и т.д. (Potter, Lloyd-Evans, 1998: 144).

У. Мэнжин, опираясь на собственные антропологические исследования в сквоттерских поселениях (*barriadas*) Лимы, столицы Перу, и результаты исследований коллег в других латиноамериканских городах, попытался развеять существующие мифы в отношении неформальных поселений, в том числе миф о том, что жители этих поселений являются экономическими маргиналами (Mangin, 1967). Он показал, что сквоттеры делают важный вклад в развитие национальных экономик. Во-первых, они инвестируют собственные средства в жильё и улучшение качества земли, тем самым освобождая государство от необходимости решения жилищного вопроса. Во-вторых, они играют важную роль на рынке труда и при этом экономически более активны в городах, чем в районах, из которых они мигрировали. В-третьих, сквоттеры развивают малый бизнес в своих поселениях. В-четвертых, социальный капитал инвестируется в создание местных сообществ (Mangin, 1967: 74–78). В свою очередь, Дж. Перлман в своем исследовании фавел Рио-де-Жанейро пришла к выводу, что маргинальность выступает как мифом, так и описанием социальной

реальности в фавелах Бразилии. Вопреки популярным взглядам о сквоттерских поселениях как о маргинальных очагах социальной дезорганизации и радикальной политики, результаты её эмпирического исследования показали, что жители фавел были социально хорошо организованы и сплочены, оптимистичны в культурном плане, трудолюбивы в экономической деятельности, а в политических взглядах не являлись ни апатичными, ни радикальными (Perlman, 1976: 242–243). Миф об маргинальности жителей фавел, по мнению Дж. Перлман, создают представители политических и экономических элит, которые заинтересованы в приобретении земли в неформальных поселениях. Данная политика нередко заканчивалась сносом этих районов в рамках программы переселения этих сообществ, что приводило к тому, что миф о маргинальности воплощался в реальности (Perlman, 1976: 195).

Альтернативой теориям ассимиляции и маргинализации выступают концепции сепарации. В исследованиях адаптации сельских мигрантов в странах «третьего мира» данная идея нашла отражение в теориях псевдоурбанизации и рурализации. Сторонники этих концепций исходили из той идеи, что модернизация стран «третьего мира» отклонилась от магистрального пути развития, по которому шли западные страны. В развивающихся странах рост городского населения значительно опережает процесс индустриализации городов, и они подвергаются псевдоурбанизации или рурализации (Abu-Lughod, 1961; McGee, 1971). Эти процессы приводят к тому, что население этих городов скорее продолжает воспроизводить многие модели традиционного сельского общества. Миграция в города не приводит к ассимиляции или маргинализации сельских мигрантов, так как большую роль в городских условиях продолжают играть сельские сети родственников и друзей (Abu-Lughod, 1961). Сквоттерские поселения, с точки зрения сторонников этих концепций, – это сельские анклавные или «деревни в городе», в которых воспроизводятся практики (в том

числе и экономические) и нормы деревенского общежития в агрессивном городском окружении (Peattie, Aldrete-Haas, 1981: 162).

Как отмечают К. Бретелл и Дж. Холлифилд, если раньше в социологии в качестве единственного результата адаптации мигрантов рассматривалась ассимиляция, то в последнее время признается множественность результатов адаптации (Brettell, Hollifield, 2015: 6). В исследованиях сельских мигрантов в городах «глобального юга» общим аргументом стало то, что сельские мигранты используют широкий репертуар различных стратегий адаптации в городских условиях (Karpat, 1976; Cornelius, 1977; Simić, 1974; Erman, 1998). Например, с этой точки зрения К. Карпат анализирует стратегии адаптации сельских мигрантов, проживающих в турецких сквоттерских поселениях (*геджеконду*) (Karpat, 1976).

В рамках концепций многовариантной адаптации происходит отказ от рассмотрения сельских мигрантов как недифференцированной и однородной массы, которая ведет себя единообразно в городских условиях (Cornelius, 1977: 218). М. Холлнстейнер, бросая вызов теориям маргинализации, показала, во-первых, что город в целом не должен отождествляться с обезличенными отношениями. Районы, населенные низшими классами, показывают высокую частоту личных отношений. Во-вторых, подвергая сомнению тезисы концепций рурализации, она отметила, что хотя районы, населенные низшими классами, имеют многие характеристики, которые ассоциируются с народной или сельской культурой, по факту также существуют атрибуты, характерные для образа жизни представителей городских низших классов. Следовательно, модель «деревня в городе» или «городских сельчан» хоть и является романтической, не применима аналитической рамкой для этой группы. В-третьих, по её мнению, сообщества, населенные городскими низшими классами, обеспечивают беднякам безопасность персональных связей, необходимых в преодолении кризисов, и выступают посредниками в их взаимодействии с большим городским окружением.

ем. Они не сохраняют мигранта сельским жителем, но позволяют ему превратиться в горожанина (Hollnsteiner, 1972). Н. Левин в своем исследовании сельских мигрантов в Турции также показал, что поддержание сельских социальных связей скорее помогает, чем препятствует их адаптации в городской среде (Levine, 1973).

В рамках этой теоретической перспективы сквоттерские поселения рассматриваются как места, в которых проживают жители с разными социально-экономическими и правовыми характеристиками. Как показали исследования, для сквоттерских поселений характерна социально-экономическая дифференциация, и в них проживают не только бедняки. Так, например, У. Балабан пишет, что коммодификация в турецких сквоттерских поселениях (*геджеконду*) привела к значительному антагонизму между старыми мигрантами, которые превратились в мелкую буржуазию, и новыми приезжими, пополнившими ряды рабочего класса (Balaban, 2011). При этом существенная социально-экономическая дифференциация в неформальных поселениях вовсе не означает, что полностью отсутствуют возможности для социальной мобильности. Жители сквоттерских поселений не являются ни самым беднейшим, ни самым бесправным сегментами городского населения, и в городе имеются возможности для восходящей мобильности: арендаторы могут стать домовладельцами, а сквоттеры – легальными собственниками земли (Bernier, 1997: 181).

На наш взгляд, наиболее подходящим теоретическим инструментом для нашего исследования выступают концепции многовариантной адаптации, так как с их помощью можно выявить полный репертуар стратегий социально-экономической адаптации сельских мигрантов.

Ч. Махар предлагает ещё одну важную для нашей статьи классификацию теоретических подходов в исследованиях адаптации сельских мигрантов в городских условиях. Она выделяет две теоретические традиции – интеракционизм и теории систем. В рамках первой традиции,

основанной на интеракционизме, ключевыми единицами анализа являются индивид и семья. В этом случае исследователи фокусируются на целях, которые преследуют люди, и стратегиях, которые они могут использовать для достижения этих целей. В результате основное внимание уделяется повседневному социальным действиям и субъективным стратегиям выживания. Исследователи, работающие в рамках теорий систем, концентрируют своё внимание на функционировании экономики на макроуровне. В частности, в рамках данной традиции существуют демографические и исторические исследования латиноамериканских городов, в которых изучаются статистические тенденции роста населения и создаются типологии городского развития. В этой традиции, например, работают сторонники теории зависимости (Mahar, 1992: 276–277).

Ч. Махар предлагает для преодоления разрыва между теоретическими подходами использовать теорию структурного конструктивизма П. Бурдьё, которую она применяет для анализа социально-экономической адаптации сельских мигрантов в одном из сквоттерских поселений в Мексике (Mahar, 1992).

С точки зрения П. Бурдьё, под «стратегиями» понимаются «различные множества действий, упорядоченных в соответствии с более или менее долгосрочными и не обязательно явно сформулированными целями, которые совершаются членами такого коллектива, как, например, семья» (Bourdieu, 2007: 118–119). С одной стороны, в своем понимании категории «стратегия» П. Бурдьё дистанцируется от сторонников методологического индивидуализма, с точки зрения которых стратегии представляют собой сознательные и долгосрочные намерения индивидуальных агентов, которые не подвергаются структурным социальным принуждениям. С другой стороны, используя это понятие, Бурдьё пытается противостоять структурализму: «Понятие стратегии – это инструмент разрыва с объективистской точкой зрения и с действием без агента, которое предполагает струк-

турализм (прибегая, например, к понятию бессознательного). Но можно отказываться видеть в стратегии продукт бессознательной программы, не делая из нее продукт сознательного и рационального расчета. Она есть продукт практического чувства как чувства игры, особой социальной игры, исторически определенной, которая усваивается с детства через участие в социальной деятельности, а именно в детских играх» (Bourdieu, 2007: 108–119).

Стратегии адаптации мигрантов, опираясь на идеи П. Бурдьё, можно рассматривать как практики. Следование той или иной стратегии адаптации – это не просто результат свободного выбора мигрантов или структурных ограничений принимающего общества, а скорее продукт взаимодействия предрасположенностей (габитусов), капиталов и полей. Различные арены адаптации мигрантов (социокультурная, социально-экономическая и политико-правовая) мы рассматриваем как автономные, но при этом взаимосвязанные друг с другом поля, на которых задействованы разные ресурсы (капиталы). В каждом из полей господствует одна из форм капиталов, в частности, в экономическом поле ключевой формой капитала является экономический капитал (деньги, собственность) (Bourdieu, 2002). При этом в эмпирическом исследовании социально-экономической адаптации мигрантов важно также изучить другие формы капитала, такие как культурный капитал (уровень образования, профессия), социальный капитал (социальные связи) и др. Важность изучения других форм капиталов заключается в том, что по П. Бурдьё одни формы капиталов при определенных условиях могут конвертироваться в другие формы (Bourdieu, 2002). Опираясь на концепцию Бурдьё, мы предполагаем, что следование той или иной стратегии социально-экономической адаптации сельских мигрантов предопределяется структурой имеющихся у них капиталов и их конвертацией до переезда в город и после миграции.

Как отмечает Т.Н. Юдина, изучение третьей фазы миграционного процесса, а именно интеграции мигрантов в новый со-

циум, целесообразнее вести, используя качественные методы исследования (Yudina, 2004: 97). Поэтому учитывая этот факт, а также характер относительной закрытости жителей «нахаловок», основными методами сбора эмпирического материала выступили методы полуструктурированного интервью и включенного наблюдения. Также мы собрали и проанализировали базу источников республиканских СМИ по проблеме самовольных поселений и сельско-городской миграции.

Эмпирический материал был собран в ходе полевых исследований в Улан-Удэ в период с 2004 по 2019 гг. Длительность данного проекта позволила нам провести лонгитюдное исследование. С некоторыми информантами за этот период удалось провести по 2, 3 и даже 4 интервью. Таким образом, мы смогли увидеть, как изменяются или не изменяются стратегии адаптации с течением времени. Интервью проводились со следующими группами информантов: 1) жители «нахаловок» (n=220); 2) сельские мигранты, выбравшие другие практики расселения в городе (n=52); 3) коренные горожане (n=45); 4) эксперты (представители власти, активисты партий и общественных организаций и др.) (n=26).

В гайде интервью для сельских мигрантов содержались блоки, посвященные стратегиям социально-экономической адаптации. В частности, мы пытались определить уровень экономического благосостояния сельских мигрантов и их семей до переезда в город Улан-Удэ и после переезда. Мы выделяем в нашем исследовании три типа экономического капитала – низкий, средний и высокий уровни дохода. Высокий уровень дохода предполагает, что мигранты могли купить после переезда зарегистрированное городское жильё, средний уровень доходов дает возможность арендовать жильё в городе, низкий уровень доходов не способствует ни покупке, ни аренде жилья. Первоначальная гипотеза исследования заключалась в том, что в «нахаловках» проживают сельские мигранты с низким уровнем доходов. Нас также интересовали вопросы о том, в какой сфере

экономики работают сельские мигранты – формальной или неформальной, городской или сельской экономике.

Также мы пытались определить наличествующий культурный капитал у сельских мигрантов, который мы операционализировали через уровень образования и профессиональный статус. Таким образом, мы выделяем высокий уровень культурного капитала (высшее образование) и средний и низкий уровень культурного капитала (среднее и начальное образование). Первоначальная гипотеза перед проведением полевого исследования заключалась в том, что в «нахаловках» в основном проживают мигранты со средним и низким уровнем культурного капитала.

Мы также интересовались социальным капиталом сельских мигрантов, то есть в какие социальные сети включены информанты и каким образом они используют сетевые ресурсы для адаптации в городе, в том числе для поиска работы, экономического выживания и т.д. Мы выделяем два типа социального капитала – «сельский» и «городской». «Сельский» социальный капитал предполагает включенность в социальные сети, которые по своему происхождению являются сельскими – это в первую очередь родственно-земляческие сети. «Городской» социальный капитал по происхождению формируется в городских условиях, например, это сети выпускников высших учебных заведений, профессиональные сети и т.д.

Анализ транскриптов интервью проводился с привлечением методики «анализа категоризации взаимодействия», которую разработал Х. Сакс и Д. Силверман. Данная методика позволяет понять, как производится описание социальной реальности, какие категории используют индивиды для описания и осмысления повседневной жизни. В нашем исследовании мы обращаемся к адаптированному варианту данной методики, который предлагают Е. А. Здравомыслова и А. А. Темкина (2007).

Другим важным методом для нашего исследования является метод включенного наблюдения (Devyatko, 1998), или этно-

графический метод (Romanov, Yarskaya-Smirnova, 1998). Данный метод предполагал наблюдение за повседневными взаимодействиями и практиками сельских мигрантов как в домашней (приватной) обстановке, так и за их взаимодействиями на публичных сценах (праздники, собрания жителей «нахаловок», митинги и т.д.). Наблюдение проводилось как непосредственно в местах проживания сельских мигрантов – в «нахаловках» или в других местах проживания в городе, так и в локациях, в которых мигранты собираются (публичные пространства, например, такие как кафе, банкетные залы, городские площади в случае митингов и т.д.). С помощью метода наблюдения мы могли увидеть как то, что говорят информанты, соотносится с тем, что они делают. В некоторых случаях мы видели несоответствие между нарративами, которые декларировали информанты в интервью и их практиками, которые мы зафиксировали в ходе включенного наблюдения.

«Нахаловки» Улан-Удэ: история формирования и современная ситуация

Появление первых «нахаловок» в Улан-Удэ связано с эпохой индустриализации 1930-х гг. В это время Улан-Удэ, как и многие другие города СССР, представлял собой строительную площадку, на которой возводились крупные промышленные предприятия. В результате индустриализации и сопутствующей ей урбанизации население города выросло в несколько раз, как за счет миграции из сельских районов Бурятии, так и за счет переселенцев из других регионов СССР. Город столкнулся с серьезной нехваткой жилья. Квартиры в немногочисленных благоустроенных домах, которые строили промышленные предприятия, распределялись в первую очередь среди специалистов и были фактически недоступны для большинства работников, вынужденных располагаться в так называемых бараках. В результате многие переселенцы стали самостоятельно решать жилищный вопрос. Один из возможных способов решения проблемы заключался в том, чтобы огородить

земельный участок и построить на нем дом либо с разрешения, либо без разрешения властей. Как отмечает Б. Жимбиев, строительство индивидуального жилья поддерживалось руководством промышленных предприятий, заинтересованным в закреплении рабочей силы на производстве, несмотря на то, что индивидуальная застройка (в том числе с разрешения властей) нарушала градостроительные нормы, предусмотренные Генпланом города (Zhimbiev, 2000: 59–60). Городской совет практически не мог воспрепятствовать появлению «самостроя», так как фактическая власть в городе (в том числе и контроль над землей) принадлежала промышленным предприятиям (Zhimbiev, 2000: 59). В итоге на окраинах Улан-Удэ выросли районы, почти полностью застроенные частными домами. Немалую часть этих домов, наряду с легальными постройками, составляли «нахаловки».

В результате, как отмечает Л. К. Минерт, в Улан-Удэ «за первое послевоенное десятилетие на землях, не отведенных для жилищного строительства, частными лицами было сооружено свыше трех тысяч жилых домов. Из них возникли целые поселки ... Общая площадь, занятая такой застройкой в городе, составила 320 га. К концу 50-х гг. самовольное строительство удалось в значительной мере пресечь» (Minert, 1983: 155–156, 240).

В 1960–1980-е гг. в Улан-Удэ, как и в других городах СССР, наступило время строительного бума массового общедоступного жилья. Произошло значительное расширение жилищного фонда Улан-Удэ: если в 1966 г. доля многоэтажных благоустроенных домов в жилищном фонде составляла 39,4 %, то в начале 1980-х гг. – 70,4 % (Minert, 1983: 159). Эти изменения позволили в какой-то степени решить жилищный вопрос: часть жителей «самостроя» переехали в благоустроенное жилье. С конца 1960 и в 1980-е гг. возведение индивидуального жилья в городе существенно сократилось (Zhimbiev, 2000: 77). Казалось бы, «нахаловки» должны были уйти со временем в прошлое, но в 1990-е гг. начался новый бум строительства само-

вольного жилья. В это время под влиянием социально-экономического кризиса, который ударил прежде всего по деревне, в город устремился массовый поток мигрантов из сельских районов республики (Karbainov, 2007; Alekseeva, 2010; Breslavskij, 2014). Один из возможных способов закрепиться в Улан-Удэ для сельских мигрантов состоял в том, чтобы поселиться в «нахаловках». Именно сельские мигранты, в первую очередь сельские буряты, в настоящее время составляют большинство населения «самоволок», возникших в 1990–2010-х гг.

Каким образом сельские мигранты приобретают недвижимость в неформальных поселениях? По мнению журналистов, чиновников, коренных горожан, сельские мигранты, как правило, получают землю в «нахаловках» посредством самозахвата. Эта точка зрения также воспроизводится в ряде научных публикаций (Manzanova, 2007; Humphrey, 2010). Так, описывая «нахаловки» Улан-Удэ, К. Хамфри пишет: «Как мигранты приобретают землю? Просто забирают себе» (Humphrey, 2010: 318). Наши полевые исследования показывают более сложную картину. Помимо стратегии самозахвата земли существуют также стратегии аренды и покупки недвижимости в неформальных поселениях. Один из возможных способов закрепиться в Улан-Удэ для сельских мигрантов состоит в том, чтобы «огородить» (захватить), или купить, или арендовать земельный участок в «нахаловках».

Если в 1990-е гг. власти практически не обращали внимания на существование «нахаловок», то с принятием Земельного кодекса в 2001 г. администрация города стала оказывать давление на «самовольщиков». Летом 2006 г. судебными приставами в «нахаловках» были снесены несколько домов без выплаты компенсаций. В ответ на снос домов жители «нахаловок» провели ряд протестных акций: перекрывали федеральную трассу, проводили митинги на центральной площади города, написали обращение к президенту России. В результате власти временно приостановили исполнение судебных решений. В 2009 г. была принята программа, которая предус-

матривает переселение «самовольщиков» на новые земельные участки, но без предоставления формального статуса частных собственников (в итоге данная программа так и не была реализована). Также с 2009 г. начался постепенный процесс перехода «нахаловок» из статуса нелегального жилья в ДНТ и СНТ.

В 2016 г. был принят Закон Республики Бурятия «О бесплатном предоставлении в собственность земельных участков, находящихся в государственной и муниципальной собственности». У жителей «нахаловок» появилась возможность бесплатно получить в собственность те земельные участки, на которых дома возведены до конца 2010 г. В 2021 г. в этот закон были внесены поправки, согласно которым стало возможным узаконить земельные участки с домами, возведенными до 2015 г. Таким образом, жители «нахаловок» получили возможность легализовать своё незаконное жильё, но процесс этот до сих пор не завершён. По данным на 2019 г., в Улан-Удэ оставалось более трех тысяч «самовольщиков» без оформленной собственности на свои дома и землю (Sogolov, Khalmatov, 2019). Интересно отметить, что, несмотря на легализацию многих неформальных поселений в Улан-Удэ, горожане и сами жители продолжают называть эти районы «нахаловками».

Стратегии социально-экономической адаптации: результаты полевого исследования

Исследователи сельско-городской миграции в Бурятии утверждали, что проживание в «нахаловках» Улан-Удэ является одним из способов решения жилищного вопроса для сельских мигрантов из бед-

ных слоев населения (Sodnompilova, 2009; Alekseeva, 2010). Но как показали результаты наших полевых исследований, среди жителей «нахаловок» Улан-Удэ оказались индивиды и семьи с различными стартовыми капиталами. В зависимости от разного уровня наличия и соотношения экономического и культурного капиталов можно выделить четыре ключевые группы сельских мигрантов, которые поселились в «нахаловках»: 1) «сельская элита»; 2) «сельская интеллигенция»; 3) «зажиточные»; 4) «сельская беднота» (табл. 1).

В состав «сельской элиты» входили люди с высшим образованием, многие из которых работали на высоких должностях на сельхозпредприятиях (в бывших колхозах и совхозах) – руководители, бухгалтеры, агрономы и т.д. Именно они стали главными бенефициариями приватизации и (или) раздела сельскохозяйственных предприятий в 1990-е гг., что во многом сделало их обладателями больших по меркам сельской местности экономических капиталов. «Сельская интеллигенция» – это сельские жители с высшим образованием, но, как правило, со средними доходами. В первую очередь в состав этой группы входят учителя, медицинские работники и др. К группе «зажиточных» можно отнести людей без высшего образования, но которые по сельским меркам считались крепкими хозяевами со средними доходами. Они могли держать много коров и (или) овец, «заниматься лесом» или мелкой торговлей. «Сельская беднота» включала в себя, как правило, людей без высшего образования и с низкими (часто непостоянными) доходами. Особой подгруппой в составе «сельской бедноты» были сельские маргиналы – «бичи», кото-

Таблица 1. Стартовые капиталы сельских мигрантов
Table 1. Start-up capital of rural migrants

Капиталы	Высокий культурный капитал	Низкий культурный капитал
Высокий уровень экономического капитала	«Сельская элита»	«Зажиточные»
Средний и низкий уровень экономического капитала	«Сельская интеллигенция»	«Сельская беднота» (в том числе «бичи»)

рые вели асоциальный образ жизни (алкоголизм). В исключительных случаях среди «бичей» встречались даже люди с высшим образованием.

Представители всех этих групп мигрантов обладали «сельским» социальным капиталом, то есть были встроены с родственно-земляческие сети, но помимо него «сельская элита» и «сельская интеллигенция» ещё также обладали «городским» социальным капиталом, в первую очередь они были встроены в сети выпускников высших учебных заведений. Наиболее обделенной социальными связями, но не лишенной их полностью, была подгруппа «бичей».

Приведем конкретные примеры для представителей каждой из групп. Кейс № 1. «Сельская элита». Семья из 2 человек – Баир и Сэсэгма². Двое взрослых детей, которые проживают отдельно от родителей. Баир окончил в советское время сельскохозяйственный институт в Улан-Удэ и получил профессию агронома. Его жена – выпускница педагогического института, по профессии – учитель физики. Во время учебы они познакомились и создали семью. После получения высшего образования они по распределению стали работать в родном селе Баира, где он занял сначала должность агронома, а впоследствии стал директором совхоза. Сэсэгма устроилась на работу учителем в сельской школе и со временем стала там завучем. У них родились двое детей. В 1990-е гг. совхоз сначала распался на несколько сельхозпредприятий, одно из которых возглавил Баир, а потом и эти предприятия также прекратили существование. После закрытия сельхозпредприятия Баир получил «хорошую долю» в виде сельхозтехники. Какое-то время Баир «держал магазин» и «занимался лесом и баранАми». Когда их сын стал студентом они приобрели для него благоустроенную однокомнатную квартиру в Улан-Удэ. Со временем их сельский магазин стал приносить всё меньше доходов, так как многие односельчане из-за отсутствия работы стали переезжать в Улан-Удэ. Окончательно решили закрыть

² Все имена информантов в статье изменены по этическим соображениям.

магазин после того, как в райцентре открылся магазин действующей в Бурятии большой торговой сети. Они переехали в Улан-Удэ и «огородили» участок земли в «нахаловке» рядом с другими участками, занятыми земляками из их района. На этом же участке построили дом. На мой вопрос, почему они поселились в «нахаловке», Баир ответил: *«Мой однокурсник в земельном комитете работал. Говорит, не дергайтесь, все равно узаконят. Потом ДНТ сделали, потом и всё по закону узаконили ... не люблю жить в квартире. Тесно там. Здесь раздолье, родня вон этот и тот дом (показывает рукой – авт.). Воздух здесь чистый, зимой, конечно, не очень, топят углём»*. Также он отметил, что нужно было помогать дочери, для которой они также купили квартиру в Улан-Удэ.

Кейс № 2. «Сельская интеллигенция». Константин и Эржэна – семья врачей. Работали в поселковой больнице. После того как дочка поступила в университет, они переехали в город. В Улан-Удэ они получили служебное жильё, в котором проживали до замужества дочери. После этого они купили дом в «нахаловке». В служебной квартире проживает семья дочери.

Кейс № 3. «Зажиточные». Семья из 3 человек. Муж – Зоригто, жена – Туяна и их сын Амгалан. Работали на сельхозпредприятии. После его закрытия занимались выращиванием бычков и овец, мясо которых сбывали в городе. Зоригто также скупал дикоросы (кедровый орех, ягоду) в своем селе и перепродавал их в Улан-Удэ. *«Чтобы выучить сына»*, они переехали в город и поселились в «нахаловке». Сначала жили у родственников, а потом сами *«забили колышки»* на земельном участке в «нахаловке» и построили дом из нового сруба. Я спросил Зоригто, почему они не купили или не арендовали городскую квартиру. Зоригто ответил, что, *«здесь вся родня, и здесь у меня склады для бизнеса. Где я в квартире орех буду ложить»*.

Кейс № 4. «Сельская беднота». Семья из 4 человек. Муж – Содном, жена – Марина и двое детей. У Соднома – среднее специальное образование, у Марины – 9 классов.

В родном селе работали в сельском кооперативе (Содном – трактористом, Марина – дояркой). После закрытия кооператива они переехали в Улан-Удэ. *«Мы вынуждены были перекочевать в город. Работы нет, больницы нет. Школу даже закрыли. Мы вынужденно “нахаловку” сделали. У нас не было денег даже на съём. Немного помыкались по родственникам и в “нахаловку” заехали ... Перевезли свой дом из деревни.»*

Кейс № 5. «Сельская беднота» («Бичи»). Сергей. Разведен. 9 классов образования. В родном селе не работал и перебивался случайными заработками: *«калымил маленько»*. Про себя говорит: *«Я – свободная птица, бичара синяя»*. В городе оказался тогда, когда помогал переезжать родственнику и строить ему дом в «нахаловке». Живёт в доме земляков, которые построили дом в «нахаловке», но продолжают жить в сельской местности.

Далее мы рассмотрим непосредственно стратегии социально-экономической адаптации сельских мигрантов после переезда в Улан-Удэ. В этом случае мы также проанализируем, как структура стартовых капиталов повлияла или не повлияла на следование той или иной стратегии адаптации.

В зависимости от занятости в формальной или неформальной экономике, а также от уровня дохода (высокий и средний/низкий уровни дохода) мы выделяем четыре индивидуальные стратегии социально-экономической адаптации сельских мигрантов в городских условиях: 1) «Бизнесмены»; 2) «Неформальные капиталисты»; 3) «Бюджетники», «Работяги» и «Вахтовики»; 4) «Калымщики» (табл. 2). Важно отметить, что члены одного и того же домохозяйства могут использовать различные стратегии социально-экономической адаптации.

«Бизнесмены»

Некоторые сельские мигранты, переезжая в Улан-Удэ, создают собственное дело, то есть становятся предпринимателями («бизнесменами»). Например, они открывают кафе, автосервисы, небольшие продуктовые магазины и т.д. При этом они регистрируют свою экономическую деятельность – оформляют статус ИП, ООО и т.д. Выбор данной стратегии социально-экономической адаптации обусловлен наличием нескольких капиталов. В первую очередь необходим экономический капитал – деньги для открытия «бизнеса». Также важную роль играет социальный капитал – «связи», «подвязки». Причём для предпринимательской деятельности в Улан-Удэ необходимы как сильный «сельский», так и сильный «городской» социальные капиталы. Сильный «городской» капитал очень часто связан с высоким культурным капиталом (наличием высшего образования). В том случае, если не хватает денег для создания бизнеса, то их мигранты могут взять займы у родственников или друзей-однокурсников, то есть здесь возможна конвертация капиталов. Чаще всего эту стратегию могут позволить себе выбрать представители «сельской элиты» (носители самых сильных капиталов) и в меньшей степени «сельская интеллигенция» и «зажиточные».

Баир из кейса № 1, переехав в город, оформил ООО и открыл два небольших кафе, которые специализируются на бурятской национальной кухне: *«У меня две буузны. Мясо из (название деревни – Н.К.) вожу. Там у меня баранЫ на заимке. Брат чабанит. Баранина у нас отличная ... Бизнесом сложно в нашей республике заниматься без подвязок, везде связи нужны. Хорошо мне*

Таблица 2. Стратегии социально-экономической адаптации
Table 2. Socio-economic adaptation strategies

	Формальная экономика	Неформальная экономика
Высокий уровень дохода	«Бизнесмены»	«Неформальные капиталисты»
Средний и низкий уровни дохода	«Бюджетники», «Работяги», «Вахтовики»	«Калымщики»

друзья, однокурсники помогают. В кабинетах они у меня сидят. Не знаю даже, как без подвязок работать в нашей Бурятии».

«Неформальные капиталисты»

В отличие от «бизнесменов», те сельские мигранты, которые становятся «неформальными капиталистами», не регистрируют свою предпринимательскую деятельность и работают в сфере неформальной экономики. «Неформальными капиталистами», как правило, становятся «зажиточные», у которых для юридического оформления бизнеса не хватает «городских подвязок» (сильного «городского» социального капитала). «Неформальные капиталисты» занимаются различными «делами». Это могут быть организаторы неформальных строительных бригад «калымщиков». Они также могут заниматься скупкой в сельской местности и перепродажей в городе дикоросов и т.д.

Так, например, Зоригто из кейса № 3 после переезда в город продолжил заниматься скупкой дикоросов (в первую очередь кедрового ореха) в сельской местности и их перепродажей в Улан-Удэ китайцам. Все его дикоросы, по его словам, «уходят в Китай». Свою экономическую деятельность он юридически не оформил. На его участке в «нахаловке» два амбара, которые он использует как склады для дикоросов.

Ещё одна категория «неформальных капиталистов», которая получает доход непосредственно в «нахаловках», – это неформальные землевладельцы, которые захватили или купили на окраинах Улан-Удэ несколько десятков земельных участков. На этих участках они строят дома и в дальнейшем их продают или сдают в аренду, как правило, другим сельским мигрантам. Интересно отметить, что стоимость этой недвижимости варьирует в зависимости от степени социальной близости покупателя или арендатора к неформальному землевладельцу. Для родственника или земляка стоимость может быть невысокой, или вообще «капиталист» может не брать денег за проживание. В этом случае у родственника или земляка возникают социальные обязательства – он должен «помогать хозяину», на-

пример, при строительстве очередного дома на захваченной земле. Одновременно, такие неформальные землевладельцы организуют строительные бригады «калымщиков» из тех родственников и земляков.

«Бюджетники», «работяги» и «вахтовики»

Значительная часть сельских мигрантов, которые проживают в «нахаловках», работают в бюджетной сфере. В ходе полевого исследования мы встречались с представителями разных «бюджетных» профессий – врачами, учителями, сотрудниками вузов, милиционерами (полицейскими), сотрудниками судебной системы (помощник судьи) и т.д. Среди бюджетников можно выделить две группы: высококвалифицированные и низкоквалифицированные. Высококвалифицированные сельские мигранты – это, как правило, представители «сельской интеллигенции» с высшим образованием, которые работали по своей профессии до переезда в город. Так, например, Константин и Эржэна из кейса № 3 устроились работать врачами в одной из городских больниц. Сэсэгма из кейса № 1 работает учителем в городской школе. В целом, как свидетельствуют данные анкетного опроса, проведенного среди жителей пригородных поселений Улан-Удэ, которые заселены в значительной степени сельскими мигрантами, около 50 % местных жителей имеют высшее образование (Breslavskij, 2014: 120).

Низкоквалифицированные сельские мигранты, работающие в «бюджетной сфере», – это, как правило, представители «сельской бедноты» без высшего образования (хотя также встречаются представители «сельской интеллигенции»). Помимо «бюджетной сферы» эти мигранты становятся также официально устроенными «работягами» (строителями, разнорабочими и т.д.), работающими на «фирмы» в Улан-Удэ или «вахтовиками», выезжающими на вахты на «Севера» или на Дальний Восток и т.д.

«Калымщики»

Некоторые сельские мигранты, в первую очередь представители «сельской

бедноты», оказавшись в городе, не всегда могут официально устроиться на работу и нередко становятся «калымщиками», работающими в неформальной экономике. Основная сфера приложения их труда – это строительство и ремонт. Интересно отметить, что «калымщики калымят» в составе бригад, которые создаются в основном по родственно-земляческому принципу (сильный «сельский» социальный капитал). Так, например, Содном и Марина из кейса № 4 после того, так мигрировали в город, стали «калымить помаленьку». Содном работает в бригаде строителей, которая специализируется на укладке тротуарной плитки. Вся бригада состоит из родственников и земляков Соднома – выходцев из одного сельского района Бурятии. Его жена Марина «калымит» в женской бригаде, которая занимается «косметическим ремонтом» квартир. Сергей-«бич» из кейса № 5 периодически подрабатывает грузчиком (денег из-за алкогольной зависимости ему не хватает и его «подкармливают» родственники и земляки в «нахаловке»). К «калымщикам» также можно отнести неформальных «вахтовиков», которые выезжают на работу в другие регионы России или даже в другие страны (в первую очередь в Южную Корею) без заключения официальных договоров.

Важно отметить, что члены одной и той же семьи (домохозяйства) могут выбрать различные стратегии адаптации. Например, муж может работать в сфере неформальной экономики, а жена может быть «бюджетницей» в формальном секторе. Также стратегии социально-экономической адаптации сельских мигрантов могут изменяться со временем. Встречаются случаи как восходящей, так и нисходящей социально-экономической мобильности. «Бизнесмены» могут разориться и стать «бюджетниками», или, наоборот, «бюджетники» могут поменять сферу деятельности и стать «бизнесменами». «Калымщики» могут со временем стать официально устроенными «работягами», или школьный учитель превратиться в «бича-калымщика» и т.д.

Экономические ориентации сельских мигрантов

Помимо стратегий социально-экономической адаптации, выделенных по критерию занятости в формальной или неформальной экономике и уровню доходов, можно также выделить стратегии в зависимости от экономических ориентаций сельских мигрантов на городскую или сельскую экономики. На основе последнего критерия мы выделяем три стратегии: 1) ориентация на городскую экономику; 2) ориентация на сельскую экономику; 3) смешанная (транслокальная) ориентация.

Ориентация на городскую экономику предполагает, что сельские мигранты оказываются полностью втянуты в городские виды занятости. Особенно это характерно для «бюджетников» с высшим образованием. Ориентация на сельскую экономику предполагает, что, даже проживая в городе, сельские мигранты продолжают воспроизводить сельские экономические практики. Например, проводя полевое исследование в 2005–2006 гг., мы обнаружили, что сельские мигранты, проживающие в «нахаловке» в поселке Солдатском, продолжали разводить коров. В этой «нахаловке» даже было общее стадо, пастьбой которого занимался специально нанятый пастух. В дальнейшем жители этой «нахаловки» отказались от разведения коров. Также жители этой же «нахаловки» продолжали выезжать на сельскохозяйственные работы (например, на сенокос) в родные села.

Третья экономическая ориентация предполагает, что сельские мигранты оказываются встроены как в городскую экономику, так и не теряют связь с сельской экономикой. Некоторые «бизнесмены» и «неформальные капиталисты» становятся транслокальными экономическими посредниками между городом и селом. Другие жители «нахаловок», имея работу в городе, выезжают в отпуск или в выходные дни в родные деревни, чтобы помочь оставшимся родственникам по хозяйству, взамен получая сельские продукты (мясо, молоко и т.д.).

Заключение

Таким образом, наши первоначальные гипотезы, которые мы выдвигали перед полевым исследованием, а также аргументы некоторых исследователей о социально-экономической однородности и маргинальности населения «нахаловок» Улан-Удэ не подтверждаются. В «нахаловках» проживают не только сельские мигранты с низким уровнем доходов, занятые низкоквалифицированным или неквалифицированным трудом и работающие в неформальной экономи-

ке, но и сельские мигранты со средними и высокими доходами, работающие также и в формальном секторе экономики. То есть для сельских мигрантов, проживающих в «нахаловках» Улан-Удэ, характерно многообразие стратегий социально-экономической адаптации в городских условиях. При этом выбор той или иной стратегии социально-экономической адаптации предопределяется структурой имеющихся у сельских мигрантов капиталов и их конвертацией до переезда в город и после миграции.

Список литературы / References

- Abu-Lughod J. Migrant Adjustment to City Life: The Egyptian Case. In: *American Journal of Sociology*, 1961, 67, 1, 22–32.
- Alekseeva M. S. Selsko-gorodskaya migratsiya i problema samovolnykh poselenij v postsovetsoj Buryatii: sotsialno-ekologicheskij podkhod [Rural to Urban Migration and the Problem of Squatter Settlements in Post-Soviet Buryatia]. In: *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoj antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 2010, 13, 4, 128–129.
- Amogolonova D., Baldaeva I. «Ya nikomu ne nuzhen, i mne nikto ne nuzhen». Bezdomnye Ulan-Ude [“No one needs me, and I don’t need anyone.” Homeless people Ulan-Ude], In: *Vestnik Evrazii*, 2003, 4, 113–134.
- Balaban U. The Enclosure of Urban Space and Consolidation of the Capitalist Land Regime in Turkish Cities. In: *Urban Studies*, 2011, 48, 10, 2162–2179.
- Batomunkuev S. D. Etnicheskaya identichnost’ v usloviyakh postsovetsoj Ulan-Ude [Ethnic Identity in the Context of Post-Soviet Ulan-Ude]. In: *Baikal*, 2005, special issue, 146–151.
- Berner E. *Defending a Place in the City: Localities and the Struggle for Urban Land in Metro Manila*. Quezon City: Ateneo de Manila University Press, 1997.
- Bourdieu P. Formy kapitala [Forms of Capital]. *Journal of Economic Sociology*, 3, 5, 60–74.
- Bourdieu P. Strategii vosproizvodstva i sposoby gospodstva [Strategies of reproduction and methods of domination]. In: *Sociologiya social’nogo prostranstva* [Sociology of social space]. Moscow. Institut eksperimental’noj sociologii; SPb.: «Aletejya», 2007, 97–120.
- Breslavsky A. *Nezaplanirovannye prigorody: selsko-gorodskaya migratsiya i rost Ulan-Ude v postsovetsoj period*. [Unplanned Suburbs: Rural to Urban Migration and the Growth of Ulan-Ude], Ulan-Ude: BSC SB RAS Press, 2014.
- Brettell C. B., Hollifield J. F. Introduction. Migration Theory: Talking across Disciplines. In: *Migration Theory: Talking across Disciplines*. Brettell C. B., Hollifield J. F. (eds.). New York and London: Routledge, 2015.
- Cornelius W. A. The Political Sociology of Cityward Migration in Latin America: Toward Empirical Theory. In: *Third World Urbanization*. Abu-Lughod J., Hay JR.R. (Eds.). New-York, London, Toronto: Methuen, 1977.
- Costello M. A. Slums and Squatter Areas as Entrepts for Rural-Urban Migrants in a Less Developed Society. *Social Forces*, 1987, 66, 2, 427–445.
- Demirtaş N. *Social Spatialization in a Turkish Squatter Settlements: Dualism Strategy and Tactic Reconsidered*. Frankfurt am Main: Peter Lang GmbH, 2009.
- Devyatko, I. F. *Metody sociologicheskogo issledovaniya* [Methods of sociological research]. Yekaterinburg: Ural University Publishing House, 1998.

Erman T. Becoming «Urban» or Remaining «Rural»: The Views of Turkish Rural-to-Urban Migrants on the «Integration» Question. *International Journal of Middle East Studies*, 1998, 30, 4, 541–561.

Galindabaeva V. V. «Golovary» ili «istinnye buryaty»? reprezentacii sel'skoj maskulinnosti v Buryatii [“Golovars” or “true Buryats”? representations of rural masculinity in Buryatia]. In: *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 2017, 20, 5, 113–132.

Gordon M. *Assimilation in American life: the role of race, religion, and national origins*. New York: Oxford University Press, 1964.

Hollnsteiner M. R. Becoming an urbanite: the neighborhood as a learning environment. In: *The City As a Centre of Change in Asia, Reviewed in Annals of the Association of American Geographers*, 1972, 64, 1, 176–178.

Humphrey C. *Post-sovetskie transformatsii v aziatskoj chaste Rossii: antropologicheskie ocherki* [Post-Soviet Transformations in Asiatic Russia. Anthropological Studies], Moscow: Natalis, 2010.

Isabaeva E. Squatters and the socialist heritage: A comparison of informal settlements in Kyrgyzstan and Kazakhstan. In: *Comparative Approaches to Informal Housing Around the Globe*. Grashoff U. (ed.). London: UCL Press, 2020, 95–109.

Karbainov N. I. «Gorodskie» i «golovary» v Ulan-Ude (molodyozhnye subkultury v borbe za sotsial'noe prostranstvo goroda) [The “Townsmen” and the “Golovary” in Ulan-Ude: Youth Subcultures in the Struggle for Urban Social Space]. In: *Vestnik Evrazii*, 2004, 2, 170–183.

Karbainov N. I. «Nakhalovki» Ulan-Ude: «ogorazhivanie» prigorodnoj zemli [“Nakhalovki” of Ulan-Ude: “Inclosure” of Suburban Territory]. In: *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research], 2007, 11, 136–139.

Karbainov N. I. Favely, gedzhekundu, «nahalovki»: skvotterskie poseleniya v gorodah razvivayushchihya i postsovetskih stran [Favelas, Gecekundu, Nakhalovki: Squatter Settlements in the Cities of Developing and Post-Soviet Countries]. In: *Mir Rossii* [Universe of Russia], 2018, 1, 135–158.

Karbainov N. I., Galindabaeva V. V. Skvotterskiye poseleniya («nakhalovki») Ulan-Ude: strategii sotsiokul'turnoy adaptatsii sel'skikh migrantov v gorodskikh usloviyakh [The squatter settlements (“nakhalovki”) of Ulan-Ude: sociocultural adaptation strategies of rural migrants in urban environment]. In: *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noj antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 2023, 26, 4, 216–245.

Karpat K. H. *The Gecekundu: Rural Migration and Urbanization*. Cambridge: Cambridge University Press, 1976.

Levine N. Old Culture-New Culture: A Study of Migrants in Ankara, Turkey. *Social Forces*, 1973, 51, 3, 355–368.

Lloyd P. *Slums of Hope? Shanty Town of the Third World*. Manchester: Manchester University Press, 1979.

Mahar Ch. An Exercise In Practice: Studying Migrants To Latin American Squatter Settlements. In: *Urban Anthropology and Studies of Cultural Systems and World Economic Development*, 1992, 21, 3, 275–309.

Mangin W. Latin American Squatter Settlements: A Problem and a Solution. In: *Latin American Research Review*, 1967, 2, 3, 65–98.

Manzanova G. City of Migrants: Contemporary Ulan-Ude in the Context of Russian Migration. In: *Urban Life in Post-Soviet Asia*. Alexander C., Buchli V., Humphrey C. (eds.), University College London Press, 2007, 125–135.

Massey D. Ethnic residential segregation: a theoretical synthesis and empirical review, In: *Sociology and Social Research*, 1985, 69, 315–350.

McGee T. G. *The Urbanization Process in the Third World: Explorations in Search of Theory*. London: G. Bell and Sons, Ltd, 1971.

Minert L. K. *Arhitektura Ulan-Ude* [Architecture of Ulan-Ude]. Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe izdatel'stvo [Buryat Book Publishing House], 1983.

Park R., Burgess E. *Introduction to the Science of Sociology*. Chicago, L.: Chicago Univ. Press, 1969.

Peattie L., Aldrete-Haas J.A. "Marginal" Settlements in Developing Countries: Research, Advocacy of Policy, and Evolution of Programs. In: *Annual Review of Sociology*, 1981, 7, 157–175.

Perlman J. *The Myth of Marginality: Urban Poverty and Politics in Rio de Janeiro*. Berkeley: University of California Press, 1976.

Potter R., Lloyd-Evans S. *The city in the Developing World*. Routledge: London and New York, 1998.

Romanov, P. V., Yarskaya-Smirnova, E. R. "Delat' znakomoe neizvestnym...": etnograficheskij metod v sociologii ["Making the familiar unknown...": an ethnographic method in sociology]. In: *Sociologicheskij zhurnal* [Sociological Journal], 1998, 1–2, 145–160.

Shmyt Z. «Modern nomads»: *Antropologicheskie ocherki sovremennyh buryatskih migracij v Rossii* ["Modern Nomads": Anthropological Essays on Contemporary Buryat Migrations in Russia]. Irkutsk: «Otkis», 2013.

Simić A. Urbanization and Cultural Process in Yugoslavia. In: *Anthropological Quarterly*, 1974, 47, 2, 211–227.

Sodnompilova M.M. Selsko-gorodskaya migratsiya v Buryatii: formirovanie translokalnogo soobshchestva [Rural to Urban Migration in Buryatia: Formation of Trans-local Space]. In: Skrynnikova T.D. (ed.) *Gorod i selo v postsovetskoj Buryatii. Sotsial'noantropologicheskie ocherki* [City and Village in Post-Soviet Buryatia: Socio-Anthropological Essays]. Ulan-Ude: BSC SB RAS Press, 2009, 165–18.

Thomas W.I., Znaniecki F. *The Polish Peasant in Europe and America: Monograph of an Immigrant Group*. Vol. 5. Organization and Disorganization in America. Boston: Richard G. Badger, The Gorham Press, 1920.

Todaro M. A Model of Labor Migration and Urban Unemployment in Less Developed Countries. In: *American Economic Review*, 1969, 59, 1, 138–145.

Tsenkova S., Potsiou C., Badyina A. *Self-made Cities: In Search of Sustainable Solutions for Informal Settlements in the United Nations Economic Commission for Europe Region*, New York and Geneva: United Nations Publications, 2009.

Yessenova S. Borrowed Places: Eviction Wars and Property Rights Formalization in Kazakhstan. In: *Economic Action in Theory and Practice: Anthropological Investigations* Wood D.C. (ed.). Bingley: Emerald, 2010, 11–46.

Yudina T.N. *Sociologiya migracii: k formirovaniyu novogo nauchnogo napravleniya* [Sociology of Migration: Towards the Formation of a New Scientific Direction]. Moscow. «Dashkov and Ko», 2004.

Zdravomyslova E., Temkina A. Kategorizaciya vzaimodejstvij: konstruirovanie identichnosti v seksual'noj sfere [Categorization of interactions: the construction of identity in the sexual sphere]. In: *Rossijskij gendernyj poryadok: sociologicheskie podhody* [The Russian gender order: sociological approaches]. E. Zdravomyslova, A. Temkina (ed.). St. Petersburg: Publishing House of the European University at St. Petersburg, 2007.

Zhimbiev B. *History of the Urbanization of a Siberian City: Ulan-Ude*. London: The White Horse Press, 2000. 121.